

УДК 821.161.3: 502.1 ББК 83.3 Бел.

О.В. Гниломедова

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ОБОСТРЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Статья посвящена проблеме экологии и отражению ее в современной белорусской литературе. Автор статьи анализирует произведения В. Карамазова, А. Жука, В. Козько и др. и приходит к выводу, что у героев «экологических» произведений реакцией на подавление природного начала становится внутренний раскол личности, возникает чувство вины, стремление найти выход из создавшейся ситуации. Писатели осознают «диссонансы» природы как негативные последствия научно-технической революции, и это будит художественную фантазию, усиливает внимание к современнику, заставляет искать нового героя и новые формы.

Человек и природа – вечная тема мировой литературы, которая на всем протяжении своего развития в большей или меньшей степени, осознанно или интуитивно всегда ощущала свое призвание участвовать в регулировании широкого спектра отношений между человеком и природой, содействуя тому, чтобы эти отношения носили гармоничный характер. Природа – арена проявления человеческого бытия, во все времена она одаривала человека животворной силой и любовью к жизни.

Белорусская литература второй половины XX в. стремится подняться на тот уровень, который содействовал бы ее универсальному назначению. В этом случае она обращается не только к бытовым деталям, описаниям и подробностям, что происходит в действительности, но и к универсальным архетипам образного мышления: мифу, легенде, крупным философским обобщениям, анализу человеческой сущности. Писатели также все больше внимания обращают на нравственное чувство, память, опыт человека. В этом отношении литература, как в свое время Ж.-Ж. Руссо и Л.Н. Толстой, придерживается мысли, что прогресс науки и техники, не соединенной с развитием духа, не делает человека счастливым, что развитие человеческого сознания генетически связано с глубинами народной жизни, окружающим миром природы. В этом, думается, и заключается идейное содержание романа В. Карамазова «Пуща» (1979), в котором отношение человека к природе включается не только в сферу этики, но и в его общий духовный потенциал. Это дума о лесе и одновременно художественно-психологическое исследование традиционной для белорусской литературы лесной темы. «На долю белорусского защитника зеленого друга, – пишет о В. Карамазове и его романе литературовед А. Яскевич, – выпал особенно кризисный период природопользования, который потребовал в конкретных условиях выработки экологической философии, в конце концов, создания новой этики взаимоотношений человека с природой. В масштабе этой не только художественной, но и философской, научной задачи и должен оцениваться роман «Пуща», как первая удачная попытка крупноэпического освоения природозащитной проблематики в национальной литературе» [1, т. 4, с. 579]. И с этим следует согласиться.

Действие в «Пуще» происходит в одном из отдаленных районов Беларуси, затерявшемся в лесной глухомани южной части Могилевщины. Писателя занимает живое общение человека с окружающим миром, со своим временем и друг с другом. Ему душевно близка лесная тема. Герой прозы В. Карамазова в природе, в «пуще» видит свое отражение; она является источником и стимулятором вечного процесса созидания, развития и обновления нравственных первооснов человеческого существования на земле.

Главные герои романа – лесничий Волошка и директор лесхоза Зимовец – представляют две противоборствующие моральные силы, две принципиально различные позиции в понимании долга, справедливости, добра и зла. Волошка – рыцарь леса, он считает, что человеческий труд должен помогать пуще восстанавливать свои силы и энергетику, отнимаемые у нее человеком на протяжении долгой истории их неравноправных взаимоотношений. Лес для него, как и вся природа, – живое существо. Волошка глубоко чувствует времена года, что видно хотя бы из такой зарисовки: «Штосці незвычайнае рабіла вясна з душою. І не толькі з яго, Валошкавай. Ён быў упэўнены, што душа ёсць у дрэва, звера, птушкі, яшчаркі; кожны лясны гук здаваўся яму не толькі голасам фізічнай істоты, колькі крыкам душы, і калі Барын (лось – О.Г.) шукаў збавення ад налітых цяжарам і бодем рагоў, пакутліва, увесь у белай пары, збіваў іх, дык Валошка ведаў, што гэтага просяць не столькі цела аленя, колькі яго душа, якая развіталася з задоўгай нудотай і стомаю, абуджалася да новых дзён. Гэтак разумеючы неспакой аленя, усёй прыроды, Валошка адчуваў: тое самае робіцца з ім, чалавекам. Глядзеў на аленя, а адчуў і разумеў сябе, лепей бачыў, што не адны лясныя турботы гналі яго з канторы ў лес – гналі вясна і душа» [2, с. 215].

По-другому рассуждает Зимовец. Он администратор, а по отношению к лесным богатствам – потребитель, хотя якобы и печется о государственных интересах, совершая хищническую вырубку дубовой рощи. «Адно мора вычарпаем, другое нальём. Цяпер гэтакая сіла! Чалавек цяпер усё можа! Уладыка!» [2, с. 369]. Зимовец не любит рассуждать, ему заранее все ясно: «Я строгі з людзмі, – говорит он. – У мяне з імі няма панібратства. Толькі работа. Загад і яго выкананне».

Изображение флоры и фауны так или иначе связано с показом внутреннего мира человека и характерных социально-нравственных процессов и тенденций. Валошка говорит в беседе с Андреем, учившемся на таксатора в Минске: «Я хачу, каб пушчы хоць пакрысе, паступова вяртаць яе гістарычныя каштоўнасці. Лепшыя бары, дубровы, ельнікі. А дзе у нас ліпавыя падлескі, гаі – адвечныя сувязныя паміж барамі і дубровамі, спадарожнікі здаровага лесу? Бярэзнік расце там, дзе ўчора шумеш бор. Дзе секлі яліну – ды якую яліну! – там сцяною высыпалі альхі ды асіна. Шэрай альхі – сотні гектараў!» [2, с. 85]. Желая помочь лесу, Волошка трудится над изобретением новой машины для качественной посадки саженцев.

Один из самых колоритных и удачных образов романа – дед Горох, приросший к лесу всем своим существом. В этом добром и мудром человеке отразилась историческая летопись пуши и всего края. Через этот образ писатель приобщает читателя к вечному, вневременному. Он воспринимается как посланник природы, связующее звено между ней и материальным миром людей. Под стать ему лесник Макар Курнопа, выгоняющий лосей из леса, в котором вот-вот начнется на них охота, в поле, где затеряются их следы, а также Настя Голубева, Митька, другие.

В «Пуще» В. Карамазова встречаются до панорамности развернутые описания природы, лесных пейзажей и интерьеров, каких, может быть, не встретишь у американских авторов, но они уместны и необходимы. Картины природных ландшафтов чаще всего передаются через восприятие персонажей, как, например, через восприятие лесной жительницы Насти Голубевой.

«Наогул, першая вясновая цяплынь – дзесці красавік, пачатак мая – неслі Насці пакуты. Яны ішлі да яе ад таго руху ў прыродзе, які яна чула і бачыла вакол сябе. Ад руху новай крыві і душы – у зверах, птушках, травах, дрэвах, людзях. З гадамі Насця заўважыла, што прырода круглы год, ад высны да вясны, жыве без спешкі, спакойна, немітусліва, на сонцы буяе тое, што павінна буяць, памірае тое, што павінна памерці, і ўсё, што лесам наканавана зрабіць, прырода робіць докладна, сумленна, зноў жа, нетаропка. Але была пара, нейкія месяц ці два, калі яна паводкаю вырывалася

з прывычных берагоў спакою, калі яе апаноўвала прага хуткапыннага жыцця, калі, быццам апамятаўшыся пасля зімовай спячкі, усё роўна яе спалохаўшыся, што нешта незвычайнае не паспее зрабіць, яна раптам налівалася жыватворнымі сіламі, абуджала зямлю і неба ўсімі сваімі галасамі, рухамі, фарбамі, песнямі. У траў, дрэў, кветак самы грай пачынаўся пазней, пасля таго, як сплываў снег і ўсталёўваліся цўплыя, паспраўднаму вясновыя дні, а ў звяроў і птушак – раней, калі на драмняках яшчэ ляжаў снег, праймаў сівер і сонца не мела той смеласці, каб сагрэць жывое. У гэта паспешлівае, амаль шалёнае жыццё прырода кідалася, адчуўшы, што настаў час даць свету новае пакаленне звяроў, птушак, матылёў, дрэў, траў, адчуўшы прагу мацярынства, свой найвышэйшы абавязак перад усім светам. Цяпер быў канец мая. Канчалася пара непаздзельнай улады мацярынства ў прыродзе. Гэтая пара заўсёды праятала хутка, як міг» [2, с. 299]. Лес, прырода – это дом человека, его храм. К такой мысли приходит автор «Пуши».

Критикой поверхностно-потребительского отношения к природе и ее богатствам отмечено творчество А. Жука (род. в 1947 г.). В мировосприятии этого писателя мир природы и мир человеческий – одно целое, единое, что убедительно отразилось в повести «Охота на Последнего Журавля» (1982). События, отображенные в ней, происходят в обычной белорусской деревне Ольховые Криницы, где живет бывший колхозный бригадир Степан Демидчик – своеобразный деревенский мудрец, блюститель традиций и исторической памяти. Он во многом напоминает куперовского Кожаного Чулка – охотника, знатока и защитника природы. Натти Бампо и Степан Демидчик – люди разных эпох, но оба они представители народа, носители его лучших качеств, лишенных так называемого денежного интереса. Эти люди не изменили сами себе, своему человеческому происхождению, социуму, «генетике». Степан Демидчик – человек с развитым общественным сознанием, чувством личного достоинства, что и определяет его нравственную активность. Он одарён редкой чуткостью к тому, что делается вокруг, рядом, и во всем мире. Природа для Демидчика со всей своей флорой и фауной не только общее добро, которое необходимо бдительно беречь и охранять, но и среда, лоно человеческого существования, извечная его ойкумена, живое, в конце концов, существо, наделенное почти человеческими свойствами и ощущениями. «Самае лепшае, што ён ведаў і любіў у жыцці, – с волнением пишет о нем автор, – гэта было поле, якое спелым коласам хілілася, гайдалася, накачвалася хвалямі насустрэч чалавеку, быццам лашчылася да яго, хацела, каб ён паглядзіў яго сваёй далоняй...» [3, с. 147].

Параллельным планом, наплывами, идут в повести воспоминания о партизанском прошлом. Драматический след оставила война и у Степана Демидчика, но не отвернула его от людей, не погасила веры в добро, не притупила острого чувства природы. Наоборот, он испытывает благодарность и судьбе, и полю, и этим «болотинам», которые преданно прятали его от опасности.

В повести богатая поэтика: много мифологии, снов, воспоминаний. Оригинальный и весьма любопытный образ Старого бобра, в обрисовке которого автор проявил способности писателя-анималиста, наделил это маленькое существо разумным инстинктом и почти человеческой логикой. Это архетип бобрового рода, родоначальник, в поведении которого отражается разум самой природы, ее глаза. В повести обронена весьма глубокая, значительная мысль: «Так заведено в этом мире, что лес все слышит, а поле все видит». Это видит мать-природа глазами своих «жильцов».

Глубоко символичен также образ Последнего Журавля, давшего название всему произведению. В противостоянии со всевозможными «мелиораторами», уничтожающими природу, Степан Демидчик – на стороне бобров и журавлей. Он радуется, когда Старый бобер, благодаря его, Демидчика, стараниям, приводит на новое место поселения семью молодых бобров. Степан видит, до каких трагических последствий может

привести разрушение природных связей. Тема «человек и природа» в творчестве А. Жука трактуется в единстве с другими вечными темами литературы, обращенной ко всем аспектам человеческого существования, сопоставляющим то, что называют правдой бытия. Он вплотную подходит к экзистенциальным вопросам, которые когда-то со всех сторон обступили толстовского Пьера Безухова: «Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидеть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляет всем?». А. Жука вновь и вновь интересуется природа человеческого счастья, нравственные муки и их преодоление, осмысление человеком самого себя, своего отношения к земле, к природе, но теперь, в 1990-е годы, писатель переводит все это в экзистенциальный ряд вечных проблем, связанных с драматизмом и трагичностью человеческого пребывания на земле.

Его городским героям свойственна рефлексия, ностальгия по прошлому, по деревне с ее полевыми просторами. Это находим, например, в рассказе «Душа над чистым полем» (1994), в котором герой пребывает в состоянии постоянного самоанализа: «Прачнуўшыся, Вечар глядзеў у столь, успамінаў і супакойваўся. Праз адчыненае акно ў пакой прыходзіў начны халадок, павяваў вецер. У яго павевах была ласкавасць валошкі, якая кранаецца твару. Потым і запахла валошкаю, а следам за гарачым пахам пакой напоўніўся водарам закрасавалага жыта. Гэта вярталася з блукання ў пакінутых палях змучаная, збалелая чалавечая душа, сущаная, як грэшнік, якому адпусцілі грахі. І таму жыццё працягвалася да новага блукання над чыстым полем, з якога душа аднойчы не вернецца» [3, с. 477].

Мир современной белорусской прозы – это преимущественно традиционный мир реализма, который, однако, не ограничивается изображением жизни в формах самой жизни, а в поэтическом смысле постоянно обогащается. Сохраняя накопленный опыт и нравственное достоинство, он, особенно в 1970–80-е годы, приобрел новые черты, стал в идейно-эстетическом плане более широким и открытым, интеллектуально насыщенным. Жизнь духа, деятельность духа как центральный сюжет, как проблема – вот вокруг чего разворачиваются писательские поиски. Писатели обращаются к мифам, легендам, используют притчевость, поток сознания, экспериментируют со временем и прочее и прочее, стремясь придать изображаемому большой философский масштаб и значение. Литература свидетельствует об изменениях в самом образе художественного мышления, о том, что сломана привычная схема «классического» сюжета, нарушен прежний баланс реальности и вымысла, намного расширился арсенал изобразительных и выразительных средств, поднимаются целые пласты языковой «целины».

На тему «человек и природа» В. Казько впервые отозвался повестью «Темный лес – тайга густая» (1973), герой которой Дядя-Коля Бажанов убегает от городской цивилизации и «технического прогресса» в тайгу. «Забыв про все, Дядя-Коля вошел в тайгу, как в обжитый, завещанный дедами и прадедами дом. И ему было уютно и на безлюдных гольцах, и в старых ущельях, его не раздражал ни гнус, ни зной, ни дождь» [99, с. 280]. В этой повести с современным сюжетом нашла поэтическое изображение роскошь доверчивого общения человека и окружающей природы и напрашивается сравнение не с К. Воннегутом, а с романтиком из XIX в. Ф. Купером. Дядя-Коля учится сам и учит других, как надо уважать природу, считаться с ней, находить пути сотворчества: «Лес и воду осваивать надо. Не покорять, а приспособлять к себе. Покоряют врагов. А мы друзей во врагов обращаем, они к нам руки тянут, а мы по ним – топором» [4, с. 301].

Второй период творчества В. Казько – белорусский, когда он возвратился из Сибирских странствий на родину и продолжил свое писательство на родном, особенно близком себе материале и на родном языке. Одно из первых «экологических» произведений В. Казько на белорусском языке – повесть «Цветет на Полесье груша»

(1978). Изображаемое в повести передается через восприятия и переживания ее героя – немого рыбака Евмена. Другой герой – «карп-производитель», наделенный человеческими свойствами и способностями, умеющий понимать окружающий мир. Писатель использует прием мифологизации, и миф значительно расширяет пределы художественного обобщения, дорастая до условно-символических форм. Есть в повести еще один образ – образ опаленной огнем груши-дички, символизирующей человеческое одиночество Евмена, обиженность судьбой. Человек и природа здесь сближены: и одно, и другое не только живые, но и мыслящие существа, и резкой границы между ними нет. Уверенность в этом подсказывает Евмену единственно верное решение – выпустить карпа на волю. Конфликт между человеком и природой разрешается, так сказать, в пользу обеих сторон.

Экологическое начало в творчестве В. Казько приобрело еще большую динамику и экспрессивность в романе «Неруш» (1981), в котором показано, насколько обостренный характер приобретает сегодня взаимодействие природы и человека. Действие происходит также на Полесье, богатом лесами и болотами, имеющими, по утверждению экологов, европейское значение. Энтузиасты НТР и плановой экономики в 1970-е годы предприняли попытку, в числе прочих масштабных проектов века, осушить Белорусское Полесье. Начинается роман традиционного для белорусской литературы описания пейзажа: «Лета састарыла зямлю, апачварыла яе твар, узарала палі і абочыны дарог глыбокімі чорнымі трэшчынамі. ...Вока чалавека, звера спатыкалася і бегла як мага далей адсюль, бунтавала, адмаўлялася прызнаць родную зямлю – шэрую, бурую, няўтульную, што не здолела адстаяць сябе, з перасохлымі крыніцамі, рэкамі, калодзежамі. Матвей Роўда адчуваў, што і сам ён высмяг» [5, с. 5].

Необходимо отметить, что пейзаж выполняет важную функцию, выступая активным действующим лицом в произведении. Все сущее в романе наделено душой, одухотворено и взаимосвязано. Символом своей земли полешуки считают аиста, «вераць свайму суседу-буслу, прыглядаюцца да яго жыцця, прадугадліва будуць сваё жыццё і палешукі. Недарэмна мае бусел-антон і яшчэ адно імя – лелька – бог каханья і жыцця» [5, с. 7]. Матвей Ровда, центральный персонаж романа, любящий свое Полесье и ощущающий внутреннюю связь с родным местом, верит аистам, верит в то, что «прыродзе, акрамя чалавека, ніхто і нішто не супярэчыць. ...І не можа не верыць ёй чалавек, які яшчэ мае душу» [5, с. 9]. Тому, кто нарушит законы природы, рассуждает Матвей, разбурит гнездо, ждаты беды и наказания, пожара или змеи в колодце. Он сам чувствует свою вину перед аистом за слабость свою: «Схібілі мы, брат, абодва. Мо і я вінаваты ў тваёй бядзе. Знішчыў тваё балота. А такое ж добрае было балота, столькі жаб у ім крумкала-спявала, а я іх усіх разам бульдозерам згроб і эскаватарам прысыпаў. Ты прабач мне, антон. Не ведаў я, што рабіў. У калі б ведаў... усё раўно было б тое ж. табе трэба балота, жабы, а нам хлеб, бульба. Як жа нам з табой падзяліць зямлю, каб табе і мне ўсяго хапала на ёй? Не ведаю, ты прабач мне, не ведаю...» [5, с. 15]. В этих строках чувствуется глубокое противоречие во взаимоотношениях человека и окружающей среды. Уже известно, что в своих средствах человек имеет власть над внешней природой, но в своих целях он скорее подчинен ей. Власть эта – теперь это очевидно – может, к сожалению, принимать характер разрушительный, если она основана только на стремлении использовать всю мощь современных орудий производства в целях ограбления природы, без тревоги о будущих поколениях, без заботы о воспроизводстве естественных ресурсов. Всесильность человека весьма относительна. Да, он стал настолько силен, что может творить вместе с природой, он способен на сотворчество, но человек остался бессилен творить природу.

Писатель нежно любит свой полесский край: в романе немало страниц, поэтизирующих его природу, историю, быт. Природа в романе носит печать духа. Ненене,

ухаживая за коровой Милкой и размышляя о жизни и мироустройстве, до сих пор удивляется, как все гармонично устроено: «Хто прадугледзеў гэта – невядома, але ён усё разлічыў, усё так разумна прыстасаваў: вясну да лета, восень да зімы, снег да вады, ваду да людзей, кожнай істоце ўстанавіў месца і прызначэнне. Тое ж самае было і з працай: сяўба, збор і ўдабрэнне. Разумнае ўдабрэнне ўсяго, што акружала чалавека, яе, Ненене, яе мужыка, іх дачку. І ёй стала радасна ад таго, што ўсё так разумна на свеце» [5, с. 21].

Природный мир связан непосредственно с ощущениями и внутренним миром полешуков: старая Ненене, Махакей и Махакейха, Барздыка, столетний дед Демьян, молодые предстают людьми мудрыми, бесхитростными, не всегда последовательными, однако лишеными прагматизма и социальной ориентации в жизни. Их мир – это деревня Княжбор, «вёска вандроўная», поскольку стоит на болотах, а значит, на воде. Тимоха, задумываясь о первых детских впечатлениях, вспоминает, что «яго дзяцінства праходзіла больш на вадзе, чым на зямлі. Вада – першае, што ўвайшло ў яго памяць, пасля ўжо з'явіліся маці, бацька і малако» [5, с. 42]. Вода – символ текучести жизни полешуков, ее неспешности, созерцательности и подчинения природным циклам. Поэтому неудивительны фантастические рассказы о Железном Человеке, который «чаго хадзіў, чаго праг, шукаў чаго – пра тое ніхто не ведаў» [5, с. 48], и Голоске – Голоснице: «яна была як за лекарку ў Княжборы, лячыла княжборскіх дзяцей» [5, с. 48]. Жители деревни живут в гармонии с природным окружением, доверяют ему, любят, считая, что «калі ёсць на зямлі рай, няма яму лепшага месца, чым вась гэтае, дзе стаіць на беразе рачулки яго вёска Княжбор, дзе побач лес і вада, дзе недалёка возера Княжае – Княж-возера, вялікае, сівае ад чароту і гадоў сваіх» [5, с. 52].

Но цивилизация приходит в Княжбор, райское место, и наступают новые времена, времена почти тотальной мелиорации полесского края во имя популистской идеи «великого хлеба». На этой позиции стоит представитель «системы» Шахрай, министерский чиновник, ярый прагматик, карьерист с психологией потребителя, которому неведома чужая беда и чужая боль. Природа ему не нужна, потому что Шахрай (фамилия-то говорящая!) творит свой, преображенный мир, в котором природа должна посторониться, уступить и занять достаточно скромное, подчиненное положение. Шахрай с неприязнью, если не сказать, с ненавистью относится к болотам Полесья, мечтая о великом переустройстве земли. В его напоре чувствуется ярость капитана Ахава, стремящегося показать свое превосходство над природой, но покорить могучий лес оказывается нелегко: «Пайшоў Шахрай на спатканне з балотамі, пайшоў – як на вайну, і як жа лёгенька камары-камарыкі, дудары-дударыкі прабілі яго браню, аніякай пашаны і павагі, адзіны здзек толькі» [5, с. 64]. В. Казько показывает людей, стремящихся не понять, а «отменить природу». К ним и относится Шахрай.

Ему противостоит Матвей Ровда – человек самокритичный, способный к историческому мышлению, но главное, стремящийся познать законы природы, а значит, бытия: «Не было ў ім спакою і суцэльнасці, усё ўспрымалася паасобку, раздроблена: асобна дрэвы, асобна куст, асобна рэчка і птушка ў небе. А ў прыродзе ўсё было адзіным, хаця і патаемным, апаслівым» [5, с. 65]. Полешук вспоминает случай с погибшим лётчиком, самолет которого упал в болото, и оно позаботилось о нем, забальзамировало и сохранило тело. В этот момент «Мацвей упершыню адчуў вялікую літасць балота, як жывога чалавека з памяццю і розумам адчуў» [5, с. 68]. Через отношение к природе проявляется социальная и нравственная сущность человека. Он предвидит ход событий, начинает понимать, что техногенная ситуация ставит природу на грань выживания. Матвей остро ощущает свою вину за то, что в прошлом тоже приложил руку к масштабному осушению полесской низменности, переживает за содеянное. «Мелиорированное» Полесье превращается в «зону знішчэння», яростно мстящую за себя черными торфяными бурями, на-

ступлением песков, хроническими недородами, засухой: «Раўла бура, кругамі круцілі смерчы, і па крузе гэтых смерчах, бы вялі нейкі карагод, хадзілі людзі, хадзіў бусел. Хадзілі, натыкаліся на Мацвея, крычалі нешта нячутнае яму і злон, яраснае. І вецер выў і крычаў у вушы гасамі княжборцаў: – Быў лес... – Была вада... – І стала пекла. Пекла, пекла, пекла...Прэч, прэч, прэч...» [5, с. 415]. Роман содержит предостережение о будущей, грозящей человечеству мировой экологической катастрофе. В тоже время писатель верит в могучие неистребимые силы матушки-земли: «Зямля, стаіўшыся, не дазваляла, каб нехта парушаў цішыню, слухала сябе і тое, як падае першы снег. Яна ўжо рыхтавалася да сну, яна стамілася, ёй патрэбна была цішыня, каб у гэтай апавітай снегам цішыні ўпарадкаваць усё, што мела яна, назапасіць сілы, залізаць свае раны і, калі прыйдзе зноў вясна, прачнуцца адноўленай, разрадзіцца коласам і лістом, крынічкай, грыбам і ягадай, каб усяго хапіла, і не толькі людзям, але і птушкам, тым самым буслам...» [5, с. 417].

Роман «Неруш» отличается богатым поэтическим содержанием и особенностями. Все образы в произведении несут глубокую смысловую нагрузку: образ оставшегося без гнезда аиста, мифологические образы болотного быка, Голоски – голосницы, Железного человека; нередко в романе природа одушевляется, все видит и чувствует. Частое введение В. Казько в ткань своих произведений фантастических персонажей объясняется сверхзадачей писателя, его стремлением показать сложность жизненного опыта человека, его историческую связь с окружающей природой. Это образы полесской беды, проникшей в мироощущение белоруса, восприятие им природы, окружающей фауны и флоры.

В прозе XIX века часто то, что происходило в природе, сравнивалось с человеческими состояниями и действиями. У Я. Барщевского, например, в «Шлехцице Завальне», буря стучится в дверь, как заблудившийся путник. Проза XX века обходится без этого «как», здесь состояния и явления природы – сами природные существа и становятся полноправными героями изображаемого писателями мира. В произведениях В. Казько голосами природы кричит и страдает от боли самоподопытное Полесье.

К роману «Неруш» по своей проблематике и поэтике примыкает «Хроника детдомовского сада» (1986), в которой писатель продолжил поиски того духовного контрапункта, который гармонизировал бы мироощущение человека, помог бы ему найти себя, свою связь со временем, природой, историей, людьми как вечными жизненными ценностями. Анализируя творчество В. Казько, П. Васюченко отмечает: «Отождествление природы, детства, абсолютного добра, гармонии свойственно целому ряду белорусских писателей, начиная от классиков (Я. Колас) до прозаиков новых поколений (А. Василевич, В. Карамазов, И. Пташников, В. Яговдик). Затем произведения В. Казько обогащаются мотивом нетронутости, заповедности («неруши»), который отождествляется с темой библейского Эдема (земного рая, где человек живет в гармонии с природой, где еще не совершился первородный грех)» [1, т. 4, с. 737]. Природа у Казько ассоциируется с памятью о прошлом, с детством, матерью, гармонией добра и справедливости. В этом ключе написана повесть «Спаси и помилуй нас, черный аист» (1991), которую критика назвала повестью-молитвой. Написана она уже после Чернобыльской катастрофы. На природу, говорится в повести, «налеглі з усіх бакоў: сам калгас – зямлі яму мала; меліяратары – краіне не хапае хлеба; леспрамгасы – рэспубліцы патрэбны будматэрыялы, дзяржаве – валюта» [6, с. 25]. Автор показывает, как в экстремальных условиях противостояния и борьбы бунтуют, сопротивляются сметри и природа, и человек.

Творчество В. Казько, таким образом, можно рассматривать, как убедительное художественное свидетельство той неблагоприятной духовно-экологической ситуации, которая сложилась на земле на рубеже XX–XXI столетий. Писатель ставит вопросы и ищет ответы на актуальные вызовы времени, обращается к духовному потенциалу нации, к нравственным урокам пережитого, к творческому синтезу истории и современ-

ности. Бытовой пласт соседствует у него с культурологическим, философско-историческим, политологическим. Своими яркими, талантливыми произведениями В. Казько еще раз напоминает, что белорусская литература может быть интересной и необходимой миру как искусство национально самобытное.

Во второй половине XX века экологические проблемы приобретают глобальный характер. Все чаще речь заходит о наступлении общецивилизационного кризиса, в котором, разумеется, виновата не природа, а прежде всего человек, с трудом приобретающий философский, экологический уровень мышления. В белорусской литературе, как и в других литературах мира, тема «человек и природа» превращается в животрепещущую проблему, ставшую центром общественного внимания и писательского творчества. Писатели осознают диссонансы природы как негативные последствия научно-технической революции, и это будит художественную фантазию, обращает внимание к человеку. Это наблюдается в произведениях И. Пташникова, М. Стрельцова, В. Карамазова, А. Жука, В. Казько и других писателей. У героев многих произведений реакцией на подавление природного начала становится внутренний раскол личности, чувство вины или стремление к нетронутой природе. Большинство авторов убеждено, что законы природы глобальны и неотвратимы и не могут быть изгнаны из искусственного мира. Писатели стремятся раскрыть глобальную тему взаимоотношений человека, природы, цивилизации на философском, социальном, этическом, эстетическом уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы; навук. рэд. : У.В. Гніламедаў, В.А. Каваленка. – Мінск : Беларус. навука, 1999.
2. Карамазыў, В.Ф. Пушча : раман / В.Ф. Карамазыў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1979. – 382 с.
3. Жук, А. Над чыстым полі: Аповесці, апавяданні / А. Жук. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1999. – 476 с.
4. Козько, В.А. Две повести / В.А. Козько. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1977. – 303 с.
5. Казько, В. Неруш; Суд у Слабадзе : раман, аповесць / В. Казько. – Мінск : Юнацтва, 1991. – 589 с.
6. Казько, В.А. Выратуй і памілуй нас, чорны бусел : аповесці, апавяданні, эссе / В.А. Казько. – Мінск : Мастацкая літаратура, –1993. – 319 с.

Gnilomedova O.V. The Modern Belarusian Literature: the Aggravation of Ecological Problems

The article is devoted to environmental issues and reflects it in the modern Belarusian literature. Writers are aware of «dissonance» of nature as the negative effects of scientific and technological revolution, and it awakens the artistic imagination, enhances attention to contemporary, and makes the search for a new character and new forms.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 12.03.2011